

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г16

Разработка серии
и компьютерный дизайн обложки
Элины Кунтыш

Галкина, Женя.

Г16 Богиня в бегах / Женя Галкина. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 320 с. — (Все люди — разные).

ISBN 978-5-17-983190-7

Полина — женщина, поймавшая удачу за хвост. Она удачно вышла замуж и уже пять лет счастлива в прекрасном загородном доме, но...

Однажды Полина находит в ноутбуке мужа целую картотеку женщин! Кто же эти красотки с яркими именами?

Полина пускается в самостоятельное расследование. Она находит каждую девушку из картотеки и узнает, что ее муж ищет себе новую жену!

А главное открытие — когда-то и она сама была частью подобной картотеки, а ее личность и жизнь украдены мужем ради иллюзии идеальной семьи...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-983190-7

© Галкина Е., 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

*В котором Диана пытается спасти Полину
в первый и последний раз*

Маленькая Диана лепит снеговика. Она уже скатала первый большой ком и теперь деловито хлопает по нему рукой в теплой варежке. Ком становится гладким и плотным. Диана занята: это сложный проект. Снеговик должен быть не просто снеговиком, а снеговиком-зайцем. Он будет лежать на снегу, прижимая к спине ушки. Такого никто не делал, такого никто не умеет лепить. Это ее, Дианина, идея.

Пока на снегу лежит только первый ком, никто и не догадается, что это заяц.

— Можно я буду лепить его с тобой? — лепечет голосок с другой стороны кома.

Диана выглядывает и видит девочку. У той пушистая светлая челочка, носик пуговкой, губки бантиком. На ней красивое пальтишко, из-под пальтишка видна кружевная юбочка. Ботиночки — ах, черные и лакированные на каблук! Не то что Дианины валенки!

— Можно, — разрешила Диана и подвинулась.

— Как хорошо! — обрадовалась девочка. — Я так мечтала слепить зайчика!

— А откуда ты знаешь, что это зайчик? — удивилась и слегка расстроилась Диана. — Это был мой секрет!

Девочка улыбнулась, протянула ручки к Диане и поплотнее завязала ее шарфик.

— Вот, — сказала она, а то замерзнешь.

— Спасибо. — Диана помолчала немного. Обе они теперь хлопали по снежному заячьему боку. — А как тебя зовут?

— Полина.

— А меня Диана. А вон моя мама! — И Диана махнула рукой в сторону, где мама с соседкой тетей Аней обсуждали какие-то постельные комплекты, пристукивая каблукками от холода. — А где твоя?

— Моя мама умерла, — серьезно ответила Полина.

Диана расстроилась окончательно. Ее детское сердечко затопило горькой жалостью к милой девочке, у которой — удивительно и страшно! — нет мамы...

— Подожди здесь, — велела Диана и побежала к своей маме. Все решится очень просто! Она попросит маму взять Полину к ним жить, и у нее будет сестра!

— Мама! Мама! — кричала она. — Давай возьмем эту девочку к себе! У нее умерла мама! Пусть живет с нами!

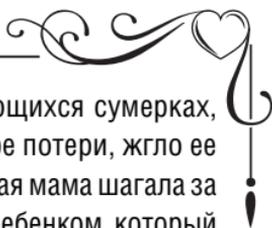
— Какую девочку? — удивилась мама, поворачиваясь к ней.

Ее брови недоуменно сошлись, губы поджались. Она внимательно осматривала голубеющую в вечерних сумерках площадку, на которой никого, кроме заячьего бока, не было.

— Полину же! — сказала Диана и обернулась.

Полины нигде не было.

— Полина! Полина! — закричала Диана и кинулась назад искать свою подружку.

Она бегала по снегу в быстро сгущающихся сумерках, ища Полину, и в груди ныло недетское горе потери, жгло ее душу, и слезы текли по щекам, а растерянная мама шагала за ней и пыталась понять: что же случилось с ребенком, который только что мирно лепил снеговика?..

Глава 1

*В которой Марго торжественно объявляет
Полину душой, а Полина находит платье
цвета лондонского дождя*

Полина всегда вставала чуть свет, вместе с мужем. Она не могла нежиться в кровати, слыша его шаги то на лестнице, то за стеной, то вовсе — крадущиеся — вокруг нее.

Вставала, надевая легкий шелковый халатик, теплые тапочки, и спускалась вниз. Пока Глеб плескался в душе, она убирала мягкие светлые кудри в хвостик и готовила кофе с яичницей и тосты. Завтракал Глеб плотно, чтобы хватило сил до обеда, поэтому Полина до румяной корочки обжаривала ветчину или бекон, старательно нарезала сыр и до блеска вымытые овощи, а себе сооружала салатик, добавляла ложечку оливкового масла и щепоть прованских трав или листики свежего базилика.

Солнце лилось сквозь высокие окна сплошным золотым потоком, на полу лежали легкие кружевные отпечатки теней от яблоневых веток.

Пять лет назад, когда Глеб привез ее сюда после больницы крепнуть и выздороветь, она первым

делом открыла все окна и впустила в дом душистое бело-розовое цветение яблонь, вишен и груш, густо растущих на участке в двадцать соток.

Со временем Глеб привел в порядок полузаброшенный сад: где-то заасфальтировал дорожки, где-то выкорчевал деревья и кустарники и покрыл землю безупречным газоном. От ворот до входа в дом проложил широкую дорогу, накрытую прозрачной пластиковой крышей.

Рабочие в один день установили сказочную деревянную избушку сауны, выкопали и декорировали прудик.

Опытные садовники соорудили альпийскую горку, прикрыли стены двух гаражей вьюнками.

Полина с грустью наблюдала, как тает на глазах волшебное цветение, похожее на белый крем кокосового пирожного. Словно кто-то невидимой ложкой загребает. То там прогалина, то там пролысина...

Глеб заметил, что Полина приуныла, и, приобняв ее, сказал:

— Поля, мечта так просто не дается. Ты хотела все это великолепие? Сауну, прудик, цветочки? Значит, придется обойтись без сада.

Полина поежилась. «Поля» — сто раз просила не называть ее этим именем, похожим на имя волнистого попугайчика. Но она уже поняла, что Глебу так удобно и менять свои привычки он не будет.

— Давай хотя бы возле дома деревья оставим, Глеб? — попросила она. — Чтобы просыпаться — а они в окна...

Глеб подумал и кивнул.

— Посмотрим на них. Если аварийных гнилушек нет — оставим.

— Спасибо.

Так Полина сохранила остатки старого сада. Прошло пять лет, и яблони цветут еще пышнее, словно в благодарность Полине за свое спасение.

Полина понимала эту благодарность, но не могла не поймать себя на корысти: если бы не будили в ней странные полузабытые чувства любви и радости эти легкие лепестки, ароматные, как фруктовое вино, она бы без сожаления рассталась с ними. И высадила здесь, например, туи.

Солнце лилось сплошным золотым потоком. Полина даже замурлыкала что-то, наслаждаясь майским теплом. Надкусила тост, проверила — хрустящий, — и выложила оставшиеся на тарелку, а следом — поджаренные яйца, ломтики бекона, кружочки помидоров, базилик, немного оливкового масла.

Последняя капелька кофе упала в белую фарфоровую чашку, когда Глеб появился на пороге кухни.

Завтракал он всегда в «натуральном», как сам это называл, виде — обмотав бедра полотенцем и еще мокрый после душа. Одеваться заранее побаивался, потому что ел неряшливо, влезая локтями в соусы, обсыпаясь крошками, роняя на колени то помидоры, то яичницу и обязательно проливая кофе на стол и на себя.

Полина привыкла и держала под рукой салфетки. Сама она завтракала позже — в одиннадцать часов, поэтому садилась с мужем за стол просто так, за компанию.

Это был ритуал, который соблюдался неукоснительно. После завтрака она завяжет ему узел галстука — еще один ритуал, поцелует на прощание и будет стоять на крыльце, пока его «мерседес», пятясь задом, выкатит из гаража и, наконец, исчезнет за воротами. После этого весь день принадлежит Полине — до позднего вечера.

Иногда, когда Глебу нужно задержаться по работе, Полина и ночует одна. Тогда она подолгу сидит в темноте спальни второго этажа, на огромной кровати, в белоснежных простынях и подушках, с бокалом вина в руке, и смотрит вниз, в чудесное хитросплетение черно-белой графики. Тени, углы, углы и тени. Привычный двор изменяется до неузнаваемости. Днем он цветущий, яркий, вылизанный до последнего камешка. А ночью — ух, холодный, геометрически-прекрасный... как стократно увеличенная снежинка на черном фоне.

Раньше такие ночи были редкостью, и Полина принимала их как подарок грустного одиночества, в котором она почему-то нуждалась. Теперь таких ночей стало слишком много, и Полина встревожилась, но как донести свою тревогу до Глеба, в какие слова ее облечь, не знала.

Поэтому ничего не менялось: утренние ритуалы оставались прежними, дни протекали все так же.

— Поля, — сказал Глеб, дожевывая последний тост и смахивая на пол крошки с широкой волосатой груди, — какие у тебя планы на день?

Он всегда задавал этот вопрос и днем несколько раз звонил, проверяя — делает ли она то, что задумала?

— Левкой высажу, — не задумываясь, ответила Полина, — табак душистый решила в этом году вдоль забора пустить. Рассада давно готова.

— Умница, — похвалил Глеб, — ты так мечтала о цветнике.

— Еще я позвала Марго. Она обещала приехать к обеду.

— Только не напивайтесь, — предупредил Глеб. — Выпейте бутылочку под сплетни, и хватит. Вечером мне ее опять домой отвозить, хотелось бы, чтобы дамочка была в форме, а не как всегда.

Он встал из-за стола, с хрустом потянулся массивным, начинающим грузнеть телом и пошлепал одеваться.

Полина быстро убрала посуду, смела крошки и побежала следом — завязывать галстук.

Галстуков у Глеба было множество: их можно было назвать его маленькой слабостью. Мужчины его круга часто зацикливались на мелочах, пытаются сделать их своей фишкой: кто-то щеголял портсигарами, кто-то запонками, а Глеб избрал предметом обожания галстуки. Полина, открывая шкаф и созерцая бесконечные разноцветные ленты, свер-

нутые и висящие змеями, матовые и глянцевого, шелковые и шерстяные, однотонные и узорчатые, никогда не терялась.

Именно ее руками должен был торжественно извлечен нужный галстук, и ее руками он должен быть безупречно завязан.

Рубашки Глеб тоже практически коллекционировал, но особенного пиетета к ним не питал — они были просто фоном.

Сегодня он избрал бледно-розовый «фон», настолько светлый, что Полина еле-еле уловила оттенок.

— Галстуки, галстуки... — пробормотала она, вытаскивая нужные. — Выбирай: либо в тон, либо вот этот, классика *Barberry*... Или — вишня.

— Клеточку, — выбрал Глеб, и Полина потянулась к нему повязывать галстук.

Его лицо наклонилось к ней, и Полина внимательно всмотрелась, пока пальцы привычно двигались вокруг шеи Глеба.

Лицо как лицо. Квадратное. С морщинами на лбу, и уже глубокими. С мощной челюстью, немного даже обезьяньей... После бритья кожа кое-где красноватая. Волосы модного оттенка «соль с перцем». Глеб хотел поседеть именно так, поседел рано и даже обрадовался.

Глаза светло-карие.

Полина быстро отвела взгляд. Светло-карие глаза Глеба смотрели на нее с гордостью, теплом и восхищением.

А она? Она-то разглядывает его равнодушно, как следователь, дознаватель, как преступника она его рассматривает.

Как предателя.

Разве так можно смотреть на любимого мужа? Разве так можно смотреть на него — без единого доказательства вины? Ну, не ночевал он дома три раза за одну неделю... Так и работает он как! На износ! Все ее, Полинины, мечты он исполняет. Хотела загородный дом? Пруд? Сауну? Цветник?

Хотела быть домохозяйкой, уйти от суеты большого города?

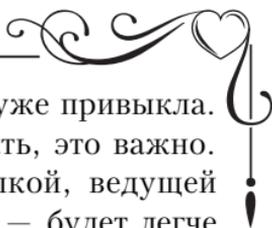
Все, все для тебя сделано, Полина! Разве можно так... подло его подозревать?

— Поля, — сказал Глеб, мягко целуя ее в губы. — Через неделю я поеду в командировку. Ненадолго — всего на месяц. Как пару лет назад, помнишь? Снова в Англию.

Полина не помнила, и вопрос явно отразился на ее лице.

— Два года назад я ездил на конференцию. Привез тебе серое шелковое платье. Ты еще восхищалась — мокрый шелк, мокрый шелк! Говорила, что оно рождено под лондонским дождем... Не помнишь? — он с тревогой всмотрелся в ее глаза, потом взял за плечи и аккуратно потряс. — Поля, девочка моя бедная...

Полина прислонилась к его плечу и прикусила губу. То, что она не помнит никаких прошлогодних поездок и платьев в стиле лондонского дождя —

ерунда. К провалам в памяти она уже привыкла. А вот то, что Глеб собрался уезжать, это важно. Это может быть настоящей зацепкой, ведущей к правде. А как выяснится правда — будет легче смотреть ему в глаза.

— Хорошо, Глеб, — кротко сказала она. — Тебе помочь со сборами?

— Конечно, — он снова коротко ее поцеловал и посмотрел на часы. — Я составлю тебе список, а ты все соберешь. Но это — ближе к делу. А пока — отдыхай, девочка моя. Сажай свои любимые цветочки, гуляй с подружкой.

Полина провожала его, стоя на крыльце. «Мерседес» пятился-пятился, потом развернулся, словно крупная акула в узком проливе, и пропал за воротами, а те медленно поползли, закрывая от взгляда кусок улицы — мимо спешила женщина, толкая ярко-красную коляску с щекастым малышом.

Щелчок — и женщина пропала.

Полина вернулась в дом и, прежде чем вернуться к ежедневным делам и заботам, заглянула в гардеробную. Там, среди смешанных запахов цветочных духов, она с легким стуком перебрала все плечики с платьями: бледных тонов — пепельно-розовых, сумрачно-голубых, кофе с молоком; с цветочками, с вышивками, с летящими длинными юбками... Вот и пепельно-серое платье струящегося прохладного шелка. С белым геометрическим узором на груди. Свадебное платье Мэри Поппинс.